

Цэнь Вэньцзян одарила Бэйчэнь Цина торжествующим взглядом, заметив, как стремительно тот изменился в лице.

— Бэйчэнь Цин, шила в мешке не утаишь, — протянула она с холодной ухмылкой. — Разве в этом мире есть тайны, способные вечно оставаться скрытыми? Впрочем, дела прошлые, ворошить их никто не станет. Но знаешь ли ты, почему сегодня я обратилась именно к тебе?

Бэйчэнь Цин молча покачал головой. Под её пристальным, буравящим взглядом он чувствовал себя не в своей тарелке, а потому поспешил глухо выдавить:

— Потому что в моих руках Центральная императорская гвардия, Ваше Величество.

— Войско есть и у моего отца, — хладнокровно возразила Цэнь Вэньцзян. — Но далекой водой близкий пожар не потушишь. Твоя власть над гвардией — ключ ко всему. Но есть и другая причина. Твоя прежняя порочная связь с императором... Если предашь его ты, это ранит его в самое сердце!

Её лицо исказила зловещая, почти безумная гримаса. Бэйчэнь Цин смотрел на неё с нарастающим ужасом, подозревая, что императрица окончательно лишилась рассудка.

— Откуда у вас уверенность, что я подчинюсь? — тихо спросил он.

— А почему бы тебе не подчиниться? Теперь ты муж моей младшей сестры, а твой сын Нинсинь — моя плоть и кровь, мой единственный племянник. Мы связаны неразрывно, кровные узы так просто не разорвать. Кому тебе помогать, если не мне?

— Ваше Величество, у меня и в мыслях нет предавать государя, — попытался оправдаться Бэйчэнь Цин. — Но при чём здесь моя семья? Сяо Мэй — ваша родная сестра. Вы ведь знаете её нрав, она никогда бы не пожелала, чтобы я пошёл на такое преступление. А Нинсинь и вовсе дитя. Не вмешивайте их в это, умоляю.

Цэнь Вэньцзян раздражённо нахмурилась. Поняв, что её долгие уговоры ни к чему не ведут, она начала терять терпение.

— Бэйчэнь Цин, не наглей! Если бы у меня не было на тебя управы, я бы тебя сюда не звала. Твоё присутствие здесь — великая честь, которой я тебя удостоила! Пусть Сяо Мэй и Нинсиня пригласил во дворец сам император, но сейчас они в моих руках! Отвечай, тебе дороги твои жена и сын?!

Услышав прямую угрозу в адрес близких, Бэйчэнь Цин почувствовал, как внутри всё заледенело. Он догадывался, что она попытается использовать их как козырь, но её открытый шантаж глубоко потряс его и наполнил душу гневом.

— Чего вы хотите? — спросил он сквозь зубы.

— Ничего особенного, — с улыбкой ответила она. — Они моя родня, и убивать их просто так я не стану. Они мне ещё пригодятся. Раз ты такой упрямый, что ж, отныне ты их больше не увидишь. Проваливай. Считай, что сегодняшнего разговора не было.

Она кокетливо вскинула брови, с удовольствием наблюдая за его бледным, искажённым от боли лицом. С каждым мгновением её сердце наполнялось торжеством.

— Ты ведь до сих пор не можешь забыть своего ненаглядного императора, так с чего бы тебе пектись о Сяо Мэй? Зачем разыгрывать эту трагедию? Мужчины воистину бездушные твари, но как искусно вы умеете притворяться! О боги, как забавно... Какое упоительное зрелище!

Под её безумный смех Бэйчэнь Цин стоял неподвижно, не проронив ни слова. Когда она наконец успокоилась, он поднял на неё глаза, полные немного отчаяния.

— Она мать моего сына, как я могу её бросить? — тихо произнёс он. — Но устраивать переворот ради чужих амбиций, ввергая страну в хаос... Нет, на это я не пойду. Вы ошиблись во мне, Ваше Величество. И если позволите дать совет... Император относится к вам со всем уважением. Прошу вас, уступите ему.

С лица Цэнь Вэньцзян мгновенно сошла улыбка. Она царственно восседала на возвышении, ленивым жестом опирая широкие рукава роскошного платья.

— Мои дела тебя не касаются, неблагодарный пес, — бросила она ледяным тоном. — А теперь проваливай. И если хоть одна живая душа узнает об этом разговоре, готовься получить трупы жены и сына.

Бэйчэнь Цин не двигался с места, умоляюще глядя на неё. Однако императрица даже не смотрела в его сторону. Она сосредоточенно рассматривала свои длинные, покрытые алым соком ногти, украшенные золотыми и нефритовыми накладками, инкрустированными драгоценными камнями.

— Эй, — скомандовала она, — выставить его вон.

Бэйчэнь Цина грубо выдворили из покоев императрицы. Сделав несколько неверных, шатающихся шагов, он завернул за угол стены и замер, не в силах заставить себя уйти. Он поднял голову и взглянул на высокие дворцовые стены, из-за которых, как ему показалось, донёсся тихий, ласковый смех его жены и нежное детское лепетание.

Он замер, и сердце его болезненно сжалось. Конечно, Цэнь Вэньцзян ни за что не подпустила бы Цэнь Умэй и Нинсиня к этой стене. Ему просто почудилось — тоска по семье сыграла с ним злую шутку. В этом величественном, богато украшенном дворце сновали толпы слуг и

стражников, повсюду царил строгий надзор. Бэйчэнь Цин не мог перелезть через стену, не мог забрать родных силой, не мог нарушить священные законы империи. Ему оставалось лишь стоять у подножия высокой стены, опустошённым и сломленным, тщетно всматриваясь в неприступный камень.

Вдруг позади раздался голос императорского евнуха:

— Генерал Бэйчэнь, Его Величество давно ждёт вас в императорском кабинете. Почему вы стоите здесь?

Бэйчэнь Цин поспешно утёр лицо рукавом и повернулся к евнуху с вежливой улыбкой:

— Встретил старого знакомого, разговорились. Простите за задержку, я сейчас же предстану перед государем.

Этот день стал для Бэйчэнь Цина настоящим кошмаром. Как только он переступил порог императорского кабинета, на него обрушилась волна тяжёлого, удушливого гнева Ян Си, от которого даже воздух в комнате казался свинцовым.

Бэйчэнь Цин стоял словно в полузабытьи. Лишь когда Ян Си подошёл вплотную, генерал с трудом сфокусировал на нём взгляд.

— Нижайше приветствую Ваше Величество, — произнёс он.

Но не успел он опуститься на колени, как Ян Си мёртвой хваткой вцепился в его руку, рванул на себя и властно прижал к своей груди, обхватив за талию. Бэйчэнь Цин застыл, оцепенев от душевной боли.

— Зачем ты ходил в покои императрицы? — тихо спросил Ян Си.

— Я просто хотел увидеть Сяо Мэй и Нинсиня, — глухо ответил Бэйчэнь Цин.

— И как, увидел? — в упор спросил Ян Си.

Бэйчэнь Цин покачал головой.

Император холодно прищурился и ядовито усмехнулся:

— И только?

Бэйчэнь Цин снова кивнул.

Ян Си замер на мгновение, а затем резко оттолкнул его, так что генерал упал в глубокое кресло.

— Юньци, у меня в покоях императрицы есть свои уши.

— Что ж, тем лучше, — тихо отозвался Бэйчэнь Цин.

Ян Си пристально вглядывался в его лицо. Разумеется, у него были соглядатаи во дворце, но Цэнь Вэньцзян действовала осторожно: во время их разговора её доверенные слуги держали стражу далеко за пределами зала, так что шпионы ничего не слышали. Помедлив, император заговорил мягче:

— Юньци, я ведь желаю тебе добра. Скажи мне, о чём вы говорили? Она держит Сяо Мэй и Нинсиня в заложниках, чтобы манипулировать тобой?

Бэйчэнь Цин не поднимал глаз. Глубокая, щемящая тоска сдавила его грудь.

— Я просто хотел взглянуть на них. Я ведь до сих пор не видел собственного сына. Умэй всегда была добра ко мне, я обещал забрать её в Цюннань и не хочу нарушать своего слова.

Его лицо оставалось бледным и безжизненным. Ян Си долго всматривался в его изнемождённый облик, а затем медленно разжал пальцы.

— Юньци... Сдай командование Центральной императорской гвардией и уезжай из столицы.

На следующий день над двором разразилась гроза. Вышел императорский указ: Великий генерал гвардии Цзинь Бэйчэнь Цин во время похода в Цюннань якобы обложил народ непосильными налогами и насильно изымал провиант, чем вызвал крайнее недовольство подданных. По законам Да Янь его лишили всех чинов и сослали в захолустный Яньчжоу на должность простого воеводы. Указ велел ему покинуть столицу немедленно.

Весь двор замер в оцепенении. Военные чины, особенно те, кто когда-то сражался под началом Бэйчэнь Цина, один за другим выходили вперёд, умоляя государя о пощаде. Однако Ян Си остался глух к их мольбам и спешно покинул тронный зал, объявив об окончании собрания.

Вэй Линьсянь и другие сообразительные гвардейцы тут же отправили Бай Тинби в Верховный суд к Ян Е. Тот, услышав новость, пришёл в ужас.

— Где Юньци?! — потрясённо воскликнул он.

— Уже покинул город! — взволнованно ответил Бай Тинби. — Ваше Высочество, если хотите просить за него императора, поспешите!

— К чёрту просьбы! Сначала нужно его перехватить! — рявкнул Ян Е.

Он вскочил в седло и во весь опор помчался за городские ворота.

Ян Е гнал коня не щадя сил и настиг Бэйчэнь Цина у самого выезда из Лояна.

Стоял март. Пригороды столицы тонули в весенней дымке, лёгкий ветерок колыхал ветви плакучих ив, а вдоль дорог кружились лепестки цветущих абрикосов. Бэйчэнь Цина сопровождали всего двое личных стражников. Когда Ян Е преградил ему путь, преданный генерал лишь тоскливо посмотрел на него. В его глазах читались одиночество, боль и безграничная, давящая пустота.

Сердце Ян Е облилось кровью при виде этого взгляда. Он кубарем скатился с коня, стащил Бэйчэнь Цина из седла и крепко, отчаянно обнял его.

— Юньци, не уезжай! Я поговорю с императором! Какое еще изъятие зерна? Да я сам во время походов провиант силой отбирал! На войне не до церемоний! Подожди меня здесь, прошу тебя!

— Не нужно, — тихо вздохнул Бэйчэнь Цин, — это бессмысленно. Отпусти меня. — Он ласково коснулся волос Ян Е. — Так будет лучше для всех. Мне давно пора покинуть этот город.

В его тихом голосе сквозило такое глубокое разочарование в жизни, что Ян Е похолодел от ужаса. Он понимал, что обвинение — лишь нелепый предлог, но истинные причины оставались для него тайной.

— Да что случилось?! Почему тебя внезапно выгоняют из столицы? Да ещё и в такое нищее захолустье!

— Разве нам привыкать к трудностям? — слабо улыбнулся Бэйчэнь Цин. — Пустяки. Его Величество поступает так ради моего же блага. Уехав, я смогу держаться подальше от всей этой дворцовой грязи. Жаль только... я так и не увидел Сяо Мэй и Нинсиня. И не знаю, свидимся ли мы когда-нибудь теперь. — Он нежно смахнул слезу с щеки Ян Е. — Возвращайся, Сяо Лан. Не грусти и не смей ссориться из-за меня с императором. Всё предрешено. Если такова моя судьба, я приму её покорно.

— Не уезжай... Я не могу тебя отпустить.

В этот момент к ним подъехали Вэй Линьсянь и другие гвардейцы, выросшие бок о бок с Бэйчэнь Цином, а следом за ними подтянулись и офицеры Центральной императорской гвардии. Народу становилось всё больше, но они держались на почтительном расстоянии, не желая мешать прощанию.

Бэйчэнь Цин мягко, но решительно отстранил от себя Ян Е.

— Возвращайся. Не беспокойся обо мне, я со всем справлюсь.

Ян Е постепенно взял себя в руки.

— Хорошо. Береги себя. Как только я во всём разберусь, я найду способ вернуть тебя в столицу.
— Он бросил взгляд на двух сопровождавших его стражников и нахмурился: — И это вся твоя свита? — Повернувшись к Вэй Линьсяню, он крикнул: — Ма Тяньхуа! А ну иди сюда! Вы трое, отправляетесь с Юньци в Яньчжоу!

— Ваше Высочество, император не давал такого указа, — тихо напомнил Бай Тинби. — Они не могут поехать без его соизволения.

Взгляд Ян Е угрожающе потемнел — верный знак того, что его гнев готов вырваться наружу. Бай Тинби, прекрасно знавший нрав своего господина, поспешно отступил к Вэй Линьсяню.

— К чёрту указы! — быстро прошептал Вэй Линьсянь. — Если мы замешкаемся, князь Хуай вытащит саблю и изрубит нас на куски, и никто слова против не скажет. Ма Тяньхуа, берите коней и следуйте за Юньци. Если что-то случится, немедленно шлите весть в столицу.

Братья Ма быстро присоединились к опальному генералу. Время поджимало. Бэйчэнь Цин в последний раз простился со всеми и уехал, скрывшись в сумерках весеннего вечера.

Была уже глубокая ночь, когда Ян Е вернулся в свою обитель при Верховном суде. Аппетита не было вовсе, он лишь сидел и безостановочно вздыхал.

Лин Шу поглядывал на него из-под полуприкрытых век, не задавая лишних вопросов. Однако он молча подвинул к нему тарелку с его любимым блюдом. Этот бессловесный жест заботы тронул Ян Е, заставив его немного успокоиться.

Уже в постели, пытаясь уснуть, Ян Е ворочался с боку на бок. Смутные мысли лишали его покоя, делая ожидание невыносимым. Он прижал к себе уже заснувшего Лин Шу, но легче не стало, и тогда он бесцеремонно забрался к нему под бок, устроив голову на его плече.

Потревоженный Лин Шу недовольно пробормотал сквозь сон:

— Дашь ты мне поспать в конце концов? Если продолжишь возиться, рассвет встретишь на ногах.

— Юньци прогнали из столицы, у меня сердце на части рвётся, а от тебя ни единого доброго слова поддержки не дождёшься! Какая же ты всё-таки бесчувственная скотина! — в сердцах бросил Ян Е.

Лин Шу лишь пренебрежительно хмыкнул, отвернулся и замолчал.

Когда первые бледные лучи утреннего солнца проникли в спальню, Ян Е не выдержал. Он резко поднялся, наспех оделся и велел слугам достать своё парадное княжеское облачение, которое не надевал уже сто лет. Судя по всему, он твёрдо вознамерился явиться на утреннюю аудиенцию к императору.

Лин Шу лениво наблюдал за ним из постели. Увидев, как тот решительно поправляет пояс, он тихо усмехнулся:

— Да брось ты это гиблое дело. Ты ведь даже не знаешь, какую игру они ведут за твоей спиной, а уже рвёшься устраивать скандал перед всем двором. Смотри, как бы сам в дураках не остался.

<http://bllate.org/book/19546/1998886>